

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ИНКЛЮЗИВНУЮ АРХИТЕКТУРУ БЕЗОПАСНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

КРЫЛОВ Данила Сергеевич

научный сотрудник Отдела Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН).

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-код: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

Для цитирования: *Крылов Д.С.* Влияние технологий рефлексивного управления на инклюзивную архитектуру безопасности на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 80–97. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.05.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению влияния технологий рефлексивного управления на процесс построения инклюзивной архитектуры безопасности на Ближнем Востоке. Автором анализируются различные виды технологий рефлексивного управления. Дана характеристика ситуации и процессам на Ближнем Востоке, а также особенностям функционирования инклюзивной архитектуры безопасности. Приводятся примеры применения Турцией, Ираном, Саудовской Аравией и Израилем различных технологий рефлексивного управления. Сделан вывод об эффективности применения отдельными государствами Ближнего Востока технологий рефлексивного управления в рамках двусторонних отношений, а также о целесообразности применения Россией рефлексивного управления в отношении государств и процессов на Ближнем Востоке с целью достижения национальных интересов и стратегических задач.

Ключевые слова: рефлексивное управление, Ближний Восток, инклюзивная архитектура безопасности, внешняя политика, международные отношения, Россия, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Израиль.

Impact of Reflexive Control Technologies on Inclusive Security Architecture in Middle East

Danila S. KRYLOV

Research fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-code: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

For citation: Krylov D.S. (2023). Impact of Reflexive Control Technologies on Inclusive Security Architecture in Middle East. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (2), pp. 80–97. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.05.

Abstract. The article is devoted to the impact of reflexive control technologies on the process of constructing an inclusive security architecture in the Middle East. The author analyzes various types of reflexive control technologies. The situation and processes in the Middle East are characterized, as well as the features of the functioning of the inclusive security architecture. The article provides examples of the use of various technologies of reflexive control by Turkey, Iran, Saudi Arabia and Israel. The author then attempts the effectiveness of the use of reflexive management technologies by individual states of the Middle East in the context of bilateral relations, as well as the expediency of Russia's application of reflexive management in relation to states and processes in the Middle East in order to achieve its national interests and strategic objectives.

Keywords: reflexive control, Middle East, inclusive security architecture, foreign policy, international relations, Russia, Turkey, Iran, Saudi Arabia, Israel.

Рефлексия и рефлексивные технологии

На междисциплинарном уровне под понятием «рефлексия» обычно понимают способность системы выстраивать модели себя, а также других систем, одновременно с этим видя себя конструирующей подобные модели. В контексте управления рефлексивная

активность может быть рассмотрена в рамках двух научных рациональностей: классической и неклассической¹.

В классической научной рациональности существует игнорирование рефлексивной активности объекта управления, поскольку используются различные методы моделирования. Однако данный принцип работает преимущественно с техническими системами и объектами. Перенос и применение методов моделирования в отношении социальных систем показал свою некоторую недостаточность и ограниченность. Тем не менее подобные принципы продолжают активно использоваться, например, в рамках классической теории игр.

Возникновение неклассической научной рациональности позволило найти новое применение технологиям рефлексивного управления. Так, в рамках новой парадигмы управление осуществляется в формате «субъект – субъект». В рамках данной статьи под «объектом управления» понимается сторона, которая осуществляет рефлексивное управление, а «субъект управления» – сторона, в отношении которой осуществляется управление. С неклассической рациональностью связан определенный отказ от игнорирования рефлексивной активности сторон, а сама активность стала ключевым атрибутом изучаемых объектов управления. В результате в центре внимания оказалась коммуникативная рефлексия, которая в том числе может осуществляться с использованием различных рефлексивных технологий (теорий).

Необходимо отметить, что концепции рефлексивного управления разрабатывались и обосновывались преимущественно советскими и российскими учеными. Как отмечает Т.Л. Томас, данная концепция «чужая» для США². При этом вооруженные силы и лица, ответственные за принятие решений, в СССР и современной России применяли и активно применяют рефлексивные технологии не только на стратегическом и тактическом уровнях в военной сфере, но также во внутренней и внешней политике. Кроме того, если бы существовало сотрудничество Москвы и Вашингтона в сфере рефлексивного управления, то парадигма информационной

¹ Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). – Москва: Издательство Когито-Центр, 2016. – 160 с.

² Томас Т.Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2, № 1. – С. 71–89.

войны между двумя государствами могла бы постепенно смениться на парадигму партнерства, пусть и в виде управляемой конфронтации.

Генерал-майор Н.И. Турко установил прямую связь между информационными войнами и рефлексивным управлением, сделав вывод, что вторые являются одним из средств ведения первой. Как следствие, использование рефлексивного управления во всем своем разнообразии возможностей, технологий и инструментария может быть более существенным и важным, в том числе и в достижении военных целей, чем традиционные боевые военные средства, «огневая сила»³. Также рефлексивное управление может быть применено для достижения геополитического господства в отдельных регионах или в мире в целом, например, в рамках политики сдерживания, исходя из рефлексии в сфере нанесения субъектами возможного неприемлемого уровня разрушений⁴.

В результате исследований, проводимых военными и гражданскими учеными, были выделены три группы технологий рефлексивной активности: технологии социальной регуляции, технологии управляемой конфронтации и технологии рефлексивного управления⁵.

Технологии *социальной регуляции* включают в себя способы организации целесообразной практической деятельности, которая направлена на достижение социальным объектом управления заданного результата⁶. Исходя из сложного нелинейного характера механизма социальной регуляции исследователи выдвинули предположение, что в основе реализации данной технологии лежит изменение (в том числе и самоизменение) взаимодействующих

³ Прохожев А.А., Турко Н.И. Основы информационной войны // Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21 st Century: Theory and Practice». – Февраль 1996. – 251 с.

⁴ Турко Н.И., Модестов С.А. Рефлексивное управление развитием стратегических сил как механизм современной геополитики // Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21 st Century: Theory and Practice». – Февраль 1996. – 366 с.

⁵ Лепский В.Е. О видах рефлексивного управления // Материалы 4-го Всесоюзного съезда общества психологов. – Тбилиси: МЕЦНИЕРЕБА, 1971. – С. 371–372.

⁶ Чепиницкая П.Р. Технологии социальной регуляции в рефлексивном управлении российской зарубежной диаспорой // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С. 78–80.

субъектов под влиянием рефлексии⁷. Существует некоторое количество социальных регуляций, которые могут быть применены при реализации внешнеполитического курса государства. При этом они наиболее эффективны в ситуациях, связанных с воздействием на соотечественников за рубежом (диаспоры). К подобным регуляциям относятся, например, *ценностные регуляции*, использующиеся с опорой на общечеловеческие или этнические ценности, историческую память и на «национальную самоидентификацию личности»⁸. Другой формой являются *традиционно-ритуальные регуляции*, ориентированные на традиции групп, которые позволяют усилить единство диаспоры и обеспечить стабильность общины как социальной системы. *Социально-психологические регуляции* позволяют не только укреплять существующие, но и формировать новые ценности среди отдельных групп. Эти регуляции связаны с вопросами воспитания и морального поощрения и должны выстраиваться с учетом особенностей психологии и характера людей⁹. *Коммуникативные регуляции* предполагают изменение характера и способов общения и взаимодействия с соотечественниками за рубежом. *Компаративные регуляции* используют в своей основе элементы сравнения (компаративистики), сопоставления, соизмерения поведения людей, их стремлений, целей, вариантов самоидентификации, сознания. Наконец, *символьные регуляции* позволяют осуществлять управление индивидами и группами, используя как физические, так и различные идеологические символы.

Что касается технологий *управляемой конфронтации*, то исторически понятие «управляемая конфронтация» было выработано и введено в практический и научный оборот советским и американским психологом и математиком В.А. Лефевром¹⁰. Данная

⁷ Данакин Н.С., Дятченко Л.Я., Сперанский В.И. Механизмы социальной регуляции в технологии управления конфликтом // Социально-политический журнал. – 1998. – № 3. – С. 151–162.

⁸ Мнацаканян М.О. Нации и национализм // Социальная психология национальной жизни. – Москва: Юнити-Дана, 2004. – 368 с.

⁹ Чепиницкая П.Р. Технологии социальной регуляции в рефлексивном управлении российской зарубежной диаспорой // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С. 78–80.

¹⁰ Лефевр В.А. Просчеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2, № 2. – С. 48–51.

группа рефлексивных технологий включает в себя различные способы скрытого манипулирования поведением субъекта рефлексии, в результате чего данный субъект будет самостоятельно принимать невыгодные для себя решения, которые не будут оформлены официально с необходимыми в подобных случаях юридическими гарантиями. Зачастую ответственность за подобные действия также будет возлагаться субъектом на себя самостоятельно, в одностороннем порядке¹¹. Технологии управляемой конфронтации активно использовались американским руководством в отношении Советского Союза / России, в особенности в тех ситуациях, когда США предлагали заменить официальные соглашения и договоренности компромиссным соглашением, при этом не требуя от советской / российской стороны официального их подписания¹². Ярким примером применения подобных технологий является ситуация с расширением НАТО на Восток, несмотря на достигнутые в 1990 г. в ходе переговоров по объединению Германии неформальные компромиссные договоренности между Западом и Советским Союзом¹³. Поскольку обсуждения стран – членов НАТО по данному вопросу не проводилось и коллективного решения не принималось, а также в связи с отсутствием официального подписанного документа Североатлантический альянс многие годы действовал исходя из собственных интересов и нарушал достигнутые договоренности, регулярно заявляя, что никаких соглашений не было и нет¹⁴. При этом подобная форма управления несовместима с «бюрократическим способом»¹⁵. Эффективность управляемой конфронтации снижается при попытке одной из сторон принудить вторую к подписанию документа. Еще большее снижение эффек-

¹¹ Денисов А.А., Денисова Е.В. Краткий очерк основ управляемой конфронтации // Информационные войны. – 2014. – № 1 (29). – С. 24–33.

¹² Лефевр В.А. Просчеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2, № 2. – С. 48–51.

¹³ Op-Ed: Russia's got a point: The U.S. broke a NATO promise // Los Angeles Times. – 30.05.2016. – URL: <https://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-shiffrinson-russia-us-nato-deal--20160530-snap-story.html> (дата обращения: 27.04.2023).

¹⁴ Столтенберг не считает, что НАТО нарушила обещание не расширяться на восток // РИА Новости. – 20.02.2022. – URL: <https://ria.ru/20220220/nato-1773853357.html> (дата обращения: 27.04.2023).

¹⁵ Денисов А.А., Денисова Е.В. Краткий очерк основ управляемой конфронтации // Информационные войны. – 2014. – № 1 (29). – С. 24–33.

тивности отмечалось исследователями при вмешательстве так называемого призрачного субъекта, т.е. скрытого субъекта управления, стратегия, цели и задачи, а также интересы и ценности которого неидентифицируемы и который осуществляет скрытый перехват инициативы, используя схожую модель управления¹⁶.

С точки зрения Лефевра и последующих исследователей, система управляемой конфронтации строится на математических статических моделях рефлексии¹⁷, что порождает сложности при работе с социальными моделями, которые исключительно трудно (если не на уровне невозможного) поддаются логической и обоснованной математической оценке, в особенности в рамках политических систем. Таким образом, несмотря на теоретическое и историческое обоснование, практическое применение и логическую простоту, сама концепция конфликтного управления в рамках международных отношений и мировой политики позволяет описывать определенные происходящие процессы и давать им оценку, но не может служить основой для принятия подобных решений.

Что касается технологий рефлексивного управления, то они включают в себя не только управление рефлексивной активностью, но также имитацию рефлексивной активности, и рефлексивное программирование. Одним из концептуальных результатов развития совокупности указанных технологий стало возникновение теории «рефлексивных игр»¹⁸. К ним относится группа игр открытого типа, в ходе которых каждый из участников пытается реализовать собственную управленческую стратегию, применяя рефлексивные подходы. В данных играх важными являются анализ и просчет вариантов и последствий разных форм социального взаимодействия¹⁹.

К технологиям *имитации рефлексивной активности* относятся способы имитации рефлексивных процессов и структур,

¹⁶ Денисов А.А. «Призрачные» субъекты в управлении современным военным и политическим конфликтом // Государственная служба. – 2010. – № 2 (64). – С. 67–70.

¹⁷ Денисов А.А. Основы метрологического обеспечения управления конфликтом на геоцентрическом ТВД // Информационные войны. – 2011. – № 3. – С. 33–44.

¹⁸ Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр. – Москва: Когито-Центр, 2009. – 218 с.

¹⁹ Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры. – Москва: Синтег, 2003. – 149 с.

рефлексивного программирования, процесса принятия решения, а также инструменты, позволяющие вскрывать факты рефлексивного управления. *Рефлексивным программированием* считается применение различных систем и механизмов по управлению рефлексивными структурами, технологиями и процессами. Также программирование дает возможность как блокировать, так и стимулировать рефлексию (как в целом, так и рефлексивное управление в частности). Кроме того, данная технология позволяет создавать два уникальных состояния рефлексии: «пульсирующую» и «виртуальную». Под первой понимается ситуация, в которой объект управления оказывается в ситуации, когда динамично меняется актуальная информация о характере эффективности функционирования модели рефлексивного управления. За этим следует отсутствие понимания о реальном развитии ситуации, отсутствие возможности верификации информации, а также ошибки в оценке результатов рефлексии, что ведет за собой некорректное применение методов управления. «Виртуальная рефлексия» – это состояние субъекта управления, находясь в котором он не имеет возможности конкретно и достоверно определить, кто конкретно в рамках рефлексивного управления принимает решения или влияет на их принятие²⁰.

Что касается *управления активностью*, то оно состоит в передаче объектом информации субъекту, которая является основой для принятия решений. Выделяют различные формы рефлексивного управления, в том числе простое, встречное и двойное. Например, в рамках двойного рефлексивного управления возникают ситуации, при которых субъект осуществляет (как он считает) «вскрытие» попыток управления и направляет объекту имитацию, которая нацелена на подтверждение эффективности применения технологий. При этом объект может различить имитационный характер этих данных и, таким образом, использовать их для формирования адекватных выводов по результатам применения технологий²¹. Если усложнить модель рефлексии, то может возникнуть ситуация, в которой объект изначально в свое управление будет

²⁰ Лепский В.Е., Степанов А.М. Особенности рефлексивных процессов в культурных организациях // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – № 2. – С. 59–72.

²¹ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – Москва: Высшая школа, 1967. – 86 с.

закладывать фактор «вскрытия» и попытки субъекта исказить информацию и осуществить встречное управление. В упрощенной форме такую систему можно охарактеризовать через выражение «я знаю, что он знает, что я знаю, что он знает...», в котором «я» – объект, осуществляющий рефлексивное управление, «он» – субъект, в отношении которого осуществляется рефлексивное управление, а глагол «знает» отражает процесс рефлексивной активности (как в форме управления, так и имитации или программирования). Таким образом, рефлексия может повторяться многократно и заикливаться на взаимной реакции объекта и субъекта на осуществляемые действия.

Ситуация на Ближнем Востоке и инклюзивная архитектура безопасности

На современном этапе регион Ближнего Востока является одним из краеугольных камней, формирующих современную систему международных отношений, и важным звеном в области мировой энергетической и экономической политики. Вместе с тем данный регион традиционно отличается крайне высоким уровнем конфликтности, а процессы, происходящие в нем, затрагивают не только соседние регионы, но и оказывают влияние на глобальную систему в целом.

Крах биполярной системы международных отношений, который последовал за формальным окончанием холодной войны и распадом Советского Союза, привел к интенсификации внутриполитических конфликтов на Ближнем Востоке и к их интернационализации²². Существующие противоречия внутри отдельных стран усугублены не только сложными межгосударственными отношениями внутри региона и активным влиянием внешних акторов, но также отсутствием эффективных архитектур безопасности (на уровне региона или объединяющих несколько соседних), которые обладали бы потенциалом, возможностями и политической

²² Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 14–21.

волей, достаточными для реального снижения интенсивности конфликтов.

Частые конфликты, военно-политические и социально-экономические кризисы вызывают постоянные изменения в балансе сил на региональном и кроссрегиональном уровнях. По состоянию на май 2023 г. в регионе сформировались и укрепили свое влияние пять кроссрегиональных центров силы: Египет, Израиль, Иран, Саудовская Аравия и Турция. Два из этих государства (Турция и Иран) в настоящее время помимо прочего являются государствами – гарантами Астанинского процесса, который является основой урегулирования одного из трех крупнейших региональных кризисов – сирийского. При этом каждый из указанных центров силы играет свою роль и оказывает собственное влияние на региональные процессы, имея не только линии сотрудничества, но и конфронтации с каждым другим государством-центром.

Что касается Российской Федерации, то она активно продвигает на Ближнем Востоке свои интересы и ценности, препятствуя дестабилизирующему влиянию мировых держав на региональные процессы и вмешательству в суверенные дела ближневосточных государств. С этой целью с 2017 г. Москва активно развивает на Ближнем Востоке инклюзивную архитектуру безопасности²³. В настоящее время данная структура в большей степени затрагивает сирийскую зону напряженности и выстраивается с целью урегулирования сирийского конфликта. Тем не менее в перспективе, в особенности в случае расширения числа ключевых государств – членов архитектуры, возможно распространение влияния данной структуры на весь регион Ближнего Востока. Инклюзивность структуры предполагает вовлечение всех заинтересованных и готовых к диалогу сторон на равных условиях, а также нацеленность не столько на навязывание определенных решений со стороны одной страны-гегемона, сколько на нахождение компромисса между всеми участниками и принятие взаимоприемлемых решений²⁴. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем

²³ Наумкин В., Кузнецов В. Ближний Восток: к архитектуре новой стабильности? // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – Февраль 2020. – 23 с.

²⁴ Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.

Востоке в настоящее время включает в себя три государства: Россию, Иран и Турцию. Среди остальных государств, представляющих собой кроссрегиональные центры силы, только Египет имеет наименьшее влияние и заинтересованность в зоне напряженности вокруг Сирии (в сравнении с аналогичными в Палестине, Ливии или Йемене). Как следствие, Каир, в отличие от Эр-Рияда и Тель-Авива, минимальным образом вовлечен в функционирование архитектуры безопасности на современном этапе.

Применение рефлексивных технологий государствами Ближнего Востока в контексте инклюзивной архитектуры безопасности

Государства региона активно применяют различные комбинации рефлексивных технологий. Одним из ярких примеров является Турецкая Республика, которая использует их для достижения своих целей в идейно-ценностной сфере, используя элементы исламского и тюркского дискурса²⁵, с целью распространения своих ценностей и имиджа за рубежом²⁶. Например, Анкара оказывает гуманитарную помощь соседним странам, в том числе по линии Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TİKA; Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı). Преимущественно осуществляемые ей действия относятся к технологиям социальной регуляции. Так, в отношении исламских общин активно применяются символные и социально-психологические регуляции, а в отношении тюркских народов – коммуникативные, компаративные и традиционно-ритуальные регуляции. Простое рефлексивное управление используется при работе различных турецких фондов, центров и агентств, например, при вовлечении их в военные миссии Анкары²⁷.

²⁵ Аватков В.А. Идейно-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 12 (4). – С. 113–129. – DOI: 10.24833/2071–8160–2019–4–67–113–129.

²⁶ Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. – 2005. – Т. 3, № 6. – С. 48–61.

²⁷ Аватков В.А., Крылов Д.С. Рефлексивное управление при осуществлении Турецкой Республикой кроссрегиональной политики «мягкой силы» // «Вопросы истории». – 2020. – № 8. – С. 131–152. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202008 Statyi05.

Таким образом, арсенал возможностей даже в рамках одной отдельной страны крайне широк. В этой связи, во-первых, при рассмотрении политических действий государств через призму технологий рефлексивного управления в рамках данного исследования были рассмотрены исключительно Иран, Турция, Саудовская Аравия и Израиль. Во-вторых, в связи с невозможностью охватить все разнообразие разнонаправленной внешнеполитической линии каждого государства, основное внимание было уделено процессам, оказывающим влияние на инклюзивную архитектуру безопасности, выстраиваемую Россией на Ближнем Востоке. В-третьих, поскольку количество разнообразных действий превышает число основных групп технологий, то представленные далее примеры рефлексивного управления будут приведены относительно применяемых технологий.

Технологии *социальной регуляции* (символьные и коммуникативные) активно применяются Турцией и Саудовской Аравией в рамках продвижения их национальных интересов, в особенности в религиозной сфере. Так, Анкара активно поддерживает деятельность запрещенной на территории России группировки «Братья-мусульмане». При этом Эр-Рияд, признавший данную организацию террористической (вместе с некоторыми другими арабскими государствами)²⁸, является одновременно и объектом, и субъектом рефлексии: Саудовская Аравия использует данный повод в качестве краеугольного элемента по консолидации вокруг себя тех, кто выступает против запрещенных «Братьев-мусульман» (например, Египта), однако вместе с тем является субъектом одновременного рефлексивного управления со стороны Турции, которая налаживает свои отношения с Катаром, разделяющим ее позиции по данному вопросу. Таким образом, каждая из стран усиливает собственные позиции в регионе и формирует коалиции: Саудовская Аравия оказывает финансовую помощь Египту, который в ответ поддерживает Эр-Рияд в Ливии и Йемене; Турция осуществляет военное сотрудничество с Катаром и создает на ее территории военные базы, а Катар в ответ политически и информационно

²⁸ Abueish T. Muslim Brotherhood is a terrorist group: Saudi Arabia's Council of Senior Scholars // Al Arabiya English. – 11.11.2020. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2020/11/11/Muslim-Brotherhood-is-a-terrorist-group-Saudi-Arabia-s-Council-of-Senior-Scholars> (дата обращения: 27.04.2023).

поддерживает Анкару, в том числе через государственные СМИ (Аль-Джазира).

Другим примером применения технологий социальной регуляции (символьных и коммуникативных) является пропагандистский и психологический аспекты ирано-израильского противостояния. Так, Тель-Авив использует различные агрессивные политические заявления в адрес Тегерана²⁹, с целью получения ответной негативной и резкой реакции. Подобное используется не только для сплочения собственного населения против внешней угрозы, но и для демонстрации международному сообществу опасности, якобы исходящей от Ирана, а также для возможной дискредитации и ухудшения позиций Тегерана на международном уровне, например, в сфере возможного достижения в будущем нового Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана³⁰.

Технологии *конфликтного управления* имеют не столь яркие примеры, поскольку государства региона стремятся заключать реальные и действующие двусторонние соглашения. Тем не менее опосредованно к подобной форме рефлексии можно отнести отдельные действия Саудовской Аравии и Израиля по нормализации отношений. Ранее в сентябре 2020 г. израильская сторона уже подписала соглашения с Объединенными Арабскими Эмиратами и Бахрейном³¹. Каждая из сторон не может открыто признать осуществление подобных шагов навстречу политическому диалогу, поскольку существуют нерешенный палестино-израильский вопрос, в рамках которого позиции Эр-Рияда и Тель-Авива диаметрально противоположны. Однако экономические процессы вынуждают в отдельных случаях идти на определенные компромиссы. В этой связи стороны активно используют конфликтное управление для

²⁹ Премьер Израиля призвал прервать переговоры с Ираном из-за «ядерного шантажа» // ТАСС. – 02.12.2021. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13091269> (дата обращения: 27.04.2023).

³⁰ Британия и Израиль хотят вместе помешать Ирану стать ядерной державой // Regnum. – 29.11.2021. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3435367.html> (дата обращения: 27.04.2023).

³¹ Israel, UAE and Bahrain sign US-brokered normalisation deals // Al Jazeera. – 15.10.2020. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/9/15/israel-uae-and-bahrain-sign-us-brokered-normalisation-deals> (дата обращения: 27.04.2023).

получения максимальных выгод от неофициальных неформальных контактов и достижения определенных договоренностей без юридически оформленных соглашений.

Наиболее часто страны Ближневосточного региона применяют инструментарий простого, встречного и двойного *рефлексивного управления*. Так, Тель-Авив активно использует данный вид технологий в ситуации, связанной с палестино-израильским конфликтом. Провоцирование палестинской общественности и группировки ХАМАС, как это произошло в ситуации с блокированием доступа к Аль-Аксе в мае 2022 г., или конфронтация Израиля с радикальной группировкой «Исламский джихад» (запрещенная организация) в секторе Газа в мае 2023 г., приводят к ожесточенной встречной реакции и попыткам оказать сопротивление. Это в свою очередь позволяет Израилю обосновывать военные расходы на поддержание высокого уровня вооруженных сил и развитие технологий, а также проведение военных операций в секторе Газа с целью борьбы с угрозой, исходящей со стороны вооруженных палестинских группировок. Таким образом, Израиль не позволяет им укрепиться и взять ситуацию под свой контроль.

Также рефлексивное управление на внешнеполитической арене использует Саудовская Аравия (КСА), например, в стремлении манипулировать мировыми державами, используя в качестве рычага нефтегазовую сферу, ОПЕК/ОПЕК+ и поставки нефти через акваторию Персидского залива. Понимая, что США выводят войска из региона, в том числе с целью создания более подконтрольного режима и ослабления КСА, Эр-Рияд осуществляет встречное рефлексивное управление, через ценовое регулирование и определенные требования в сфере безопасности и поставок оружия, учитывая, что Вашингтон и его союзники в Европе не могут полностью отказаться от поставок нефти из стран Персидского залива.

Тем не менее события 2022 – первой половины 2023 гг. демонстрируют, что данное управление имеет второй уровень, на котором США создают юридические препятствия рефлексивному управлению КСА, например, через принятие Закона о запрете картелей в области добычи и экспорта нефти (NOPEC)³². Если Эр-Рияд

³² США намерены объявить войну нефтяному картелю ОПЕК и рискуют потерпеть поражение // Эксперт. – 05.05.2022 – URL: <https://expert-ru.turbopages.org/expert.ru/s/2022/05/5/opek/> (дата обращения: 27.04.2023).

сможет ответить таким образом, чтобы Белому дому вновь пришлось принимать решения, которые оставляют США в перспективе еще меньшее число возможных вариантов развития событий, ограничивают Вашингтон и создают будущие сложности в отношениях с монархиями Персидского залива и членами ОПЕК, то Саудовская Аравия продемонстрирует эффективное использование многоуровневых технологий рефлексивного управления.

* * *

Основной задачей рефлексивного управления, вне зависимости от применяемых технологий и методов, является оказание влияния на противника, на его планы (как военные, так и политические), а также на представление о ситуации. Таким образом, с точки зрения военных, данная концепция больше относится к понятию «военного искусства», чем «военной науки», и требует понимания «внутренней природы», концепций, идей и ценностей противника³³. В результате данные технологии могут стать в перспективе одним из ключевых элементов проведения как отдельных информационных операций, так и информационной войны в целом, в особенности в идейно-ценностной сфере.

При этом информационная война, в которой активное участие принимает Россия и которая является элементом тотальной войны Запада против русского мира³⁴, ведется в том числе и на Ближнем Востоке. Отдельные действия западных оппонентов направлены не столько против Москвы напрямую, сколько нацелены на ослабление позиций и влияния Кремля³⁵ в регионе, а также на дестабилизацию обстановки в ближневосточной подсистеме. В некоторых из этих действий прослеживаются элементы технологий рефлексивного управления, оказывающие влияние в

³³ Томас Т.Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2, № 1. – С. 71–89.

³⁴ Лавров заявил, что Запад объявил всему Русскому миру тотальную войну // ТАСС. – 27.05.2022. – URL: <https://tass.ru/politika/14747463> (дата обращения: 27.04.2023).

³⁵ Воробьев С.В. Непрямые действия США в противостоянии с Россией прошлого и будущего на постсоветском пространстве // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 39–49. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.03.

том числе на функционирование выстраиваемой Россией инклюзивной архитектуры безопасности. В связи с этим в перспективе Москве предстоит самой стать активным и инициативным объектом рефлексивного управления, чтобы путем мягких манипуляций и использования внутренних и внешних противоречий в регионе направлять в государствах Ближневосточного региона процесс принятия решений в сторону, которая наибольшим образом будет приемлема и выгодна для Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 12 (4). – С. 113–129. – DOI: 10.24833/2071–8160–2019–4-67–113–129.
2. Аватков В.А., Крылов Д.С. Рефлексивное управление при осуществлении Турецкой Республикой кроссрегиональной политики «мягкой силы» // «Вопросы истории». – 2020. – № 8. – С. 131–152. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202008 Statyi05.
3. Британия и Израиль хотят вместе помешать Ирану стать ядерной державой // Regnum. – 29.11.2021. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3435367.html> (дата обращения: 27.04.2023).
4. Воробьев С.В. Непрямые действия США в противостоянии с Россией прошлого и будущего на постсоветском пространстве // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 39–49. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.03.
5. Данакин Н.С., Дятченко Л.Я., Сперанский В.И. Механизмы социальной регуляции в технологии управления конфликтом // Социально-политический журнал. – 1998. – № 3. – С. 151–162.
6. Денисов А.А. «Призрачные» субъекты в управлении современным военным и политическим конфликтом // Государственная служба. – 2010. – № 2 (64). – С. 67–70.
7. Денисов А.А. Основы метрологического обеспечения управления конфликтом на геоцентрическом ТВД // Информационные войны. – 2011. – № 3. – С. 33–44.
8. Денисов А.А., Денисова Е.В. Краткий очерк основ управляемой конфронтации // Информационные войны. – 2014. – № 1 (29). – С. 24–33.
9. Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. – 2005. – Т. 3, № 6. – С. 48–61.

10. Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454–0641.2021.3.36184.
11. Лавров заявил, что Запад объявил всему Русскому миру тотальную войну // ТАСС. – 27.05.2022. – URL: <https://tass.ru/politika/14747463> (дата обращения: 27.04.2023).
12. Лепский В.Е. О видах рефлексивного управления // Материалы 4-го Всесоюзного съезда общества психологов. – Тбилиси: МЕЦНИЕРЕБА, 1971. – С. 371–372.
13. Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). – Москва: Когито-Центр, 2016. – 160 с.
14. Лепский В.Е., Степанов А.М. Особенности рефлексивных процессов в культурных организациях // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – № 2. – С. 59–72.
15. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – Москва: Высшая школа, 1967. – 86 с.
16. Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр. – Москва: Когито-Центр, 2009. – 218 с.
17. Лефевр В.А. Просчеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2, № 2. – С. 48–51.
18. Мнацаканян М.О. Нации и национализм // Социальная психология национальной жизни. – Москва: Юнити-Дана, 2004. – 368 с.
19. Наумкин В., Кузнецов В. Ближний Восток: к архитектуре новой стабильности? // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – Февраль 2020. – 23 с.
20. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры. – Москва: Синтег, 2003. – 149 с.
21. Премьер Израиля призвал прервать переговоры с Ираном из-за «ядерного шантажа» // ТАСС. – 02.12.2021. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13091269> (дата обращения: 27.04.2023).
22. Прохожев А.А., Турко Н.И. Основы информационной войны // Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21 st Century: Theory and Practice». – Февраль 1996. – 251 с.
23. Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 14–21.

24. Столтенберг не считает, что НАТО нарушила обещание не расширяться на восток // РИА Новости. – 20.02.2022. – URL: <https://ria.ru/20220220/nato-1773853357.html> (дата обращения: 27.04.2023).
25. США намерены объявить войну нефтяному картелю ОПЕК и рискуют потерпеть поражение // Эксперт. – 05.05.2022 – URL: <https://expert.ru/turbopages.org/expert.ru/s/2022/05/5/opek/> (дата обращения: 27.04.2023).
26. Томас Т.Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2, № 1. – С. 71–89.
27. Турко Н.И., Модестов С.А. Рефлексивное управление развитием стратегических сил, как механизм современной геополитики // Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21 st Century: Theory and Practice». – Февраль 1996. – 366 с.
28. Чепиницкая П.Р. Технологии социальной регуляции в рефлексивном управлении российской зарубежной диаспорой // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С. 78–80.
29. Abueish T. Muslim Brotherhood is a terrorist group: Saudi Arabia's Council of Senior Scholars // Al Arabiya English. – 11.11.2020. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2020/11/11/Muslim-Brotherhood-is-a-terrorist-group-Saudi-Arabia-s-Council-of-Senior-Scholars> (дата обращения: 27.04.2023).
30. Israel, UAE and Bahrain sign US-brokered normalisation deals // Al Jazeera. – 15.10.2020. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/9/15/israel-uae-and-bahrain-sign-us-brokered-normalisation-deals> (дата обращения: 27.04.2023).
31. Op-Ed: Russia's got a point: The U.S. broke a NATO promise // Los Angeles Times. – 30.05.2016. – URL: <https://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-shiffrinson-russia-us-nato-deal--20160530-snap-story.html> (дата обращения: 27.04.2023).